

Народные мемуары

Владимир СЕДЫХ

ДЕРЕВЕНСКИЙ МУЗЫКАНТ*

...Ознакомившись со светлым будущим, которое обещали построить партийные деятели на моей малой родине в Максимовке, мы покатали в следующую деревню, Ильиновку. Когда-то там жили семьи моих родных теток Натальи и Феклы, переселившихся из Максимовки со своими мужьями в двадцатых годах прошлого века. Проезжая близлежащую Оторвановку, я обратил внимание на редкий лесной массив из молодых дубков, который, когда на хуторе жила наша семья, назывался Чепуховкой. Вероятно, название возникло от слова «чепуха» — чепуховый, плохой лес.

Этот лес посещали в основном люди с хутора. Здесь они косили обильную траву, собирали хворост для растопки, съедобные растения и ягоду: кислицу, борщевик, дикий лук, чеснок, сурепку, щавель, желуди, хмель, землянику, смородину, малину, ежевику. Бабушка Настасья заготавливала лекарственные травы и делала из них всякие чаи для лечения только ей известных хворей. Из некоторых трав она готовила мази для быстрого заживления ран: тщательно высушивала растения, размалывала их в пыль, а потом замешивала в гусиный жир. Этой мазью бабушка излечивала все раны на теле внуков, целыми днями пропадавших в лесу, в степи и у дяди Гурья Ширококова на мельнице. В Чепуховке отец с собакой Азой каждую осень добывал зайцев, из которых мать готовила великолепные пельмени.

Проехали Чепуховку, и я решил заехать в один из логов, где когда-то располагалась самая красивая в этих местах деревня Яруга. Деревня находилась внизу распадка, у ручья, питающегося местными родниками. С одной стороны она была огорожена крутой стеной яра, покрытого дубравой, а с другой — в сторону Максимовки поднимался пологий склон лога с дубовыми и березовыми перелесками. В эту деревню в начале 1950-х годов пришла учительствовать в начальную школу моя двоюродная сестра Катерина, дочь тетки Натальи. В ту древнюю пору, будучи в восьмом классе и активно занимаясь живописью, я для этой школы написал маслом картину на деревенскую тему, скопировав ее у какого-то русского художника.

Спустились в лог и не увидели ни деревни, ни следов от нее. Настроение опять упало — мы снова едем по безлюдному месту, где когда-то кипела жизнь. Немного постояв и поозиравшись кругом, поехали дальше.

* Отрывок из книги воспоминаний В. Н. Седых «Записки таксатора с хутора Оторвановка».

Чтобы не искать давно забытые заросшие лесные дороги, я предложил ехать через деревню Островку, которая была на пути к дороге районного значения. И снова — там, где когда-то на пологих увалах на краю лесных массивов располагалась Островка, совершенно пустое место... В этой деревне с одной стороны жили русские, а с другой — на опушке леса — чувашаи. Но мы не увидели признаков обитания ни тех, ни других.

Постоял около места, где был дом моих крестных матери и отца. Потом остановились у дома лесника Петра Логинова, закадычного друга моего отца, переехавшего сюда из Максимовки. Он всячески помогал нам в заготовке дров и сена в лесных массивах во время войны. Здесь я вспомнил презабавное событие, о котором не раз с юмором рассказывала мать. Это было осенью, когда наша семья уже жила в районном центре, а отец работал строителем и смотрителем Казанского тракта. Вернувшись вечером с какого-то районного совещания, он с порога с досадой высказал матери, что его не принимают в партию, потому что его жена — дочь кулака и владелица швейной машины «Зингер». Дочь кулака тотчас ответила с усмешкой: «Эх, Колька, Колька! Если бы у тебя была жена — дочь дурака, тогда было бы понятно, почему тебя не принимают в партию. Забыл, как пять лет назад, когда мы еще жили в Оторвановке, вы с Петькой Логиновым, пьяные охальники, на тарантасе, запряженном диким жеребцом твоего отца, пролетели мимо райкома КПСС, распевая бесстыжие частушки. Тогда-то райкомовские работники запомнили вашу матерщину и тебя вместе с ней очень хорошо. Так что помолчи с обвинениями. Лучше давай лепить пельмени из зайчатины, привезенной вчера Петькой». Делая пельмени, мать продолжала костерить мужа, а в итоге заметила: «Ты только начал работать в районе. Если новую работу будешь делать хорошо, из Оренбурга местным начальникам подскажут, когда тебе следует быть в партии». Улыбнувшись древним воспоминаниям о деревенских хулиганах, мы с хорошим настроением выехали на казенную дорогу и покатали в Ильиновку, оставляя за собой плотную рыжую пыль.

Едем вдоль небольших лесных массивов и полей, которые я помню еще с тех времен, когда мы с братьями Петром и Сашкой и матерью заготавливали сено для коровы, теленка и пяти овец. Мы жили в балаганах, покрытых сеном, и с утра до вечера косили, гребли и копнили. Будучи мальчишкой восьми лет, я варил кашу, мыл посуду, готовил дрова и разжигал костер. Мать нас всех троих научила косить и отбивать косы. Для того чтобы косить легко и чисто, дважды в день она отбивала косу. Это было большим искусством, и мама делала это мастерски. В колхозе, когда ей приходилось косить с группой косцов, мать со своей самой большой косой всегда была метров на десять впереди мужчин. Она не оставляла былинки на прокосе и укладывала траву в ровные ряды.

В ту пору эти две недели тяжелого крестьянского труда для нас были праздником. Во время сенокоса мы многому учились. Там можно было показать свою силу, выносливость и умение жить в полевых условиях. Позже эта наука мне очень пригодилась. Она стала руководством к действию для обустройства жизни в тайге не только для меня, но и для рабочих-бичей, моих единомышленников и исполнителей таежных работ.

Наконец показалась Ильиновка! Она хорошо видна с горы далеко внизу. Также отсюда открываются увалистые лесостепные просторы, уходящие в Башкирию на горизонте. Деревня получила свое наименование от первопоселенца Ильи Филипповича Попова, женившегося на моей тетке Наталье Прокофьевне. В их роду восемнадцать Поповых погибли на Великой Отечественной войне. Для новой семьи в Максимовке не было земли, поэтому она была вынуждена уехать на необжитые места и приступить к освоению целины. Вслед за ними из Максимовки приехало много семей. В результате на берегу ручья возникла новая деревня с односторонней улицей, растянувшейся на километр. У молодой семьи родились четыре сына и две дочери, которые со временем переехали в Уфу и Пономаревку. Вслед за Поповыми в Ильиновку переселилась семья Проскураковых, состоявшая из главы семьи дяди Романа и его жены Феклы, также моей родной тетки. У них родились три сына и две дочери. Впоследствии трое детей уехали в Челябинск, а двое, Петр и Дмитрий, остались жить в Ильиновке.

Я в детстве часто приезжал в гости к теткам. Они всегда встречали меня так приветливо, что я не понимал почему. Лишь потом понял: я был сыном их единственного обожаемого брата. Семья Проскураковых отличалась от всех деревенских исключительной честностью. Обычный крестьянин дядя Роман в 1947 году, сторожа зерно на току, ходил опухшим от голода и чуть не помер от истощения. До сих пор многим сельчанам непонятно, страх перед наказанием или врожденная честность не позволяли ему взять хотя бы горсточку чужого зерна, чтобы выжить.

Проезжая заброшенную деревню из полусотни дворов, мы увидели только четыре дома, где еще жили старики. Среди них был дом моего двоюродного брата Дмитрия Романовича Проскуракова. Года три назад он похоронил

Дом «ильиновского олигарха»

жену, а дети уехали жить в Пономаревку. Мой внучатый племянник Шурик, который возил нас на своей иномарке, как-то по-своему, с юмором готовил нас к этой встрече. Он с улыбкой говорил, что сейчас приедем не к Дмитрию, а к ильиновскому олигарху, который живет там всю жизнь, никуда не выезжая. У него две кошки, невероятно красивый сарай (катух) для овец, и он счастлив в своем одиночестве.

Я помнил его еще молодым. Он был крепким, очень видным мужиком. Темно-русые волосы, умное лицо с римским носом. Словом, первый парень на деревне. Сразу после срочной службы в армии он женился на первой красавице деревни, которая всю жизнь работала дояркой в колхозе.

Подъезжаем к большой пятистенной рубленой избе, традиционно для этих мест обмазанной серой выцветшей глиной. Видно, что снаружи дом давно не обновлялся. На стенах висят ошметки старой замазки, местами — заплатки из почерневшей фанеры. В самом центре двора тот самый описанный Шуриком живописный сарай. Но восхититься им и понять историю его возникновения можно, лишь увидев его вживую. По мере истлевания крышу вместе со стенами накрывали новым слоем соломы, придавленной жердями. Со временем соломенная крыша закрыла стены, жерди посерели и почернели, что придавало сооружению особую привлекательность и еще больше вдохновляло меня на личное знакомство с этим декоративным произведением архитектуры. Неподалеку от сарая в высокой крапиве догнивала сельскохозяйственная техника.

Подходим к обшарпанной двери с щелями, заткнутыми тряпьем. Стучим. Никто не отвечает. Тянем дверь на себя. Она скрипит, но не открывается. Стучим сильнее. Наконец, дверь распахивается и в ее проеме показывается сухая полусогнутая фигура, поддерживающая труссы. Я будто увидел живого Пана, сошедшего с картины Врубеля.

Дима, спросонья не соображая, смотрит на нас синими глазами из-под включенных волос и строго спрашивает: «Кто такие?» Я улыбаюсь и, как Остап Бендер Шуре Балаганову, второму сыну лейтенанта Шмидта, громко кричу: «Ты что, Дима, не узнаешь брата, сына родного дядьки Кольки?» Сухое лицо расплывается в улыбке, и он тихо скрывается в проеме. Мы в недоумении топчемся на крыльце. Минут через двадцать перед нами предстанет радостный благообразный причесанный старик в голубой свежей рубахе. Дима обнимает меня и тащит нас в избу.

Заходим. В доме явно давно не убирали. Все говорит о том, что здесь живет деревенский одинокий человек. Между тем Дима достает чистую скатерть и покрывает ей стол. На нем быстро появляется стандартная деревенская снедь: колбаса, сыр, зеленый лук, помидоры, огурцы, квашеная капуста и хлеб собственного изготовления. Среди всей этой закуски высится нетронутая бутылка водки и рюмки. Встреча началась. Дима стал рассказывать о своей одинокой жизни, винить себя, что не сберег жену, которая ушла на тот свет три года назад. Потом начал говорить о том, как ему в восемьдесят три года тяжело содержать корову. Он избавился от нее этой весной, чтобы облегчить себе жизнь. Теперь у него осталось только пятнадцать овец. Мы слушали его буквально с открытыми ртами. Смотрели на него и его комнату с русской закопченной печью

как на полотно киноэкрана, а не на реальную жизнь одинокого старика в глуши Оренбуржья.

Сидящие неподалеку от стола на лавке две черные кошки следят не за столом, а за своим хозяином. Дима с любовью рассказывает, что они спят рядом с ним в следующей комнате-горнице на второй кровати напротив хозяина. Они сопровождают его, куда бы он ни шел, и терпеливо ждут, пока он чем-то занят. Он с удовольствием сообщил, что зимой обычно отдыхает на русской печи и смотрит телевизор. Кошки в этом случае также лежат на печи, развываясь на дерюгах и овчинных шубах. Конечно, мы удивились зрению и слуху старика, без очков и слухового аппарата следящего за событиями на экране далеко стоящего телевизора.

Налив по рюмке, Дима вдруг произнес: «Что мы всё говорим с тобой, Вовка, о печальном? Давайте я вам сыграю что-нибудь веселое на баяне». Все мы удивились — на каком баяне будет играть дряхлый старик в этой дряхлой избе. Откуда мне было знать, что Дима всю жизнь играл на баяне? Помню только, как он уходил в армию в 1951 году. С тех пор я видел его раза два в Пономаревке, когда был там на каникулах во время учебы в институте.

Приглашая послушать баян, Дима попросил нас не судить его строго за исполнение. Ведь музыке он нигде не учился. Придя из армии, купил баян и с тех пор играет по памяти, что где-то слышал и ему понравилось. При этом похвалился, что может исполнить практически все когда-либо слышанное. В десятке ближайших деревень, когда там отмечались свадьбы и советские праздники, он играл, что попросят, по капризу хозяев, и это всегда ему было не в радость, а в тягость. Даже сейчас, виновато улыбаясь, сетовал, что праздники отнимали массу времени, которое он мог посвятить

Дмитрий Романович Проскуряков

большому семейству и крупному подсобному хозяйству. Он прятался от приглашающих, но его неизменно находили и доставляли туда, где баяниста очень ждали.

Мы молча слушали, чтобы не обидеть расхваливавшего себя музыканта, не знающего нот. Для нас все это было необычно. И тогда я ничтоже сумняшеся спросил: «Дима, наверное, тебе неплохо платили за игру на баяне. А туда, где не обещали заплатить, ты просто не ехал». Дима, долго не моргая, удивленно смотрел на меня своими синими глазами. После чего не без гордости произнес: «Володь, даже если бы предлагали, у меня бы совести не хватило брать деньги за игру домашнего музыканта. Ладно, кончайте слушать меня, трепача. Я шибко разохотился с вами говорить. Лучше я сыграю вам на баяне любую музыку, которую только слышал по радио».

Дима поднялся и минуты через три вернулся с запыленным чехлом. Он тщательно вытер на нем пыль и вытащил баян. Не обращая на нас внимания, поставил табуретку рядом с левой стороной русской печи, сел, развернул баян и настроил инструмент. Посмотрел на нас, извинился, что долгое время не играл, и начал перебирать клавиши, разминая пальцы. А затем, не останавливаясь, с улыбкой глядя на нас, лихо заиграл «Калинку-малинку». Быстро оборвав ее, приступил к «Катюше», видимо, настраиваясь на репертуар, который привык исполнять в деревнях. Немного поиграв ее, он остановился и произнес, переходя на тамбовский говор: «Ну, какого хрена раззявили рты? Что, давно не слышали игру на баяне? Заказывайте, и я исполню любой ваш каприз». После чего по-ресторанному склонил голову, ожидая заказа.

Дима буквально огорошил нас своей музыкой, звучащей около прогнувшейся, древней, закопченной русской печи. Еще слабо что-либо соображая, я предложил выйти на улицу. Пока мы выбирались из избы, в памяти всплыли любимая песня сибирских бичей «Бежал бродяга с Сахалина» и мой любимый романс «Ямщик, не гони лошадей». При этом я подумал, что, возможно, Дима не слышал их по радио. Между тем Дима, удобно расположившись на ступеньках крыльца, опять прошелся по клавишам и из баяна полилась то скливая песня сибирских бродяг. Закончив ее, Дима подумал и вдруг вдарил не романс, а «Вдоль по Питерской». Мы все втроем опять обалдели, глядя на виртуоза, лихо растягивающего баян на грязных ступеньках. Было совершенно непонятно, откуда он, не зная нотной грамоты, все это берет. Во мне внезапно возникло озорное желание подсунуть баянисту музыку, которую он не слышал по радио и тем самым сбить с разошедшегося брата его деревенский гонор.

Тут неожиданно между нами и Димой появилась разбитная старушонка его возраста и, не обращая на нас никакого внимания, подпевая, бросилась в пляс. Дима остановился, мельком глянул на беснующуюся артистку и начал играть плясовую. Когда танцующая старушка вдруг лихо запела частушки, Дима тут же стал ей аккомпанировать. Пока они вдвоем предавались музыке и пляске, мы стояли как завороченные.

Внезапно Дима остановился, вытер разгоряченный лоб и произнес: «Уф, устал. А ты откуда взялась, ведьма?» «Ведьма», улыбаясь, ответила: «Дима, я твою музыку узнаю везде, где бы ни была. Вышла в огород и услышала

у себя, в конце деревни, твой баян. Бросила все, помыла руки, глянула в зеркало и вот я с тобой, чтобы вспомнить нашу молодость». Обменявшись с Димой только им понятными фразами, старушка сказала: «Извините» — и покинула нас довольная, с улыбкой на лице.

Остолбневший от импровизированного концерта, после ухода экзотичной древней артистки я, как человек, не имеющий музыкальных способностей и не верящий, что всему, что нами было услышано, можно было научиться по радио, из озорства спросил Диму: «А ты когда-нибудь слышал музыку “Танца маленьких лебедей”?» Хотел было продолжить, но Дима меня снисходительно перебил: «Володь, о чем ты говоришь? Спроси у Шурика, стоящего рядом с тобой. Он учился у своей мамы, нашей двоюродной сестрицы Лины и Григория, ее мужа, в школе, построенной ими, которой давно нет. Он подтвердит, что каждый Новый год на школьном маскараде наряду с советскими песнями я всегда исполнял музыку Петра Ильича Чайковского — “Танец маленьких лебедей” из балета “Лебединое озеро” и кое-что из “Щелкунчика”». Я безмолвно развел руками, долго стоял и смотрел на этого музыканта, рожденного, выращенного и живущего в этом теперь уже безлюдном крае. Дима поставил баян на пол, ткнул меня кулаком в грудь, чтобы я очнулся, и сказал: «Хватит пялить на меня глаза. Поехали на кладбище — посетим нашу общую бабушку, Настасью Федоровну Седых, моих близких и твоих родных».

Небольшое деревенское кладбище усилиями Дмитрия Романовича было ухожено. Все похороненные покоились под широкими кронами осин и берез. Мы молча постояли у могил нашей бабушки, матери Димы и моей тетки Феклы Прокофьевны Седых, его отца Романа Проскуракова и его брата Петра, пришедшего с войны без ноги.

Возвращаясь в деревню, я обратил внимание на пруд, куда в юности ездил на велосипеде, чтобы поохотиться на уток. Пруд выглядел обихоженным. Как

«Вдоль по Питерской». Танцы под баян

выяснилось в разговоре, сосед Димки взял пруд в аренду и уже приступил к разведению сазанов для привлечения рыбаков. Он же взял в аренду местные леса, где я когда-то охотился зимой на зайцев. Услышать все это от брата было приятно. Я подумал, что, если со временем другие представители молодого поколения, помотавшись по белу свету, начнут, как Димкин сосед, возвращаться на землю предков с новыми идеями обустройства, значит, не зря построен моими земляками мост через реку Дему, который мы проехали сегодня утром.

Перед расставанием я не удержался и спросил: «Дим, почему ты не переедешь в райцентр к сыновьям? Если хочешь жить один, мы бы сообща купили тебе недорогой домишко на окраине села, и живи не тужи под прищмотром детей». Дима глянул на меня с улыбкой, посмотрел на усмехающееся лицо нашего двоюродного племянника Шурика и произнес: «Так в Пономаревке я давно имею дом. В нем живет один из моих сыновей». «Как дом? — не удержался я. — Видимо, где-то далеко от Демы?» На что Дима так же радостно ответил: «Да нет, прямо в десяти метрах от Демы, где кончается улица, идущая из центра деревни. Во дворе дома стоит мой новый трактор “Беларусь”, на котором сын приезжает ко мне пахать огород. Он также часто приезжает на моей иномарке. Буквально вчера был у меня со всей семьей». На этом слове Шурик не утерпел и произнес: «Говорил же тебе, что едем к ильиновскому олигарху».

На вопрос: «Все-таки что держит тебя в Ильиновке?» — Дима не задумываясь ответил: «Вы же видели, что у меня все хорошо. Да и кто будет помогать овцам ягниться, ягнят выращивать? Куда денутся две кошки, которые охраняют меня, как собаки? А главное, кто будет ухаживать за могилами наших с тобой близких?» Что я мог сказать в ответ? У него свой мир, и он его бережет. Немного подумав, я с улыбкой отметил: «Дима, ты живешь действительно хорошо. У тебя хоромы с русской печью, любимая музыка, гурт овец в очень теплом катухе, палаты в столице района на берегу воспетой Аксаковым красавицы Демы, новый трактор “Беларусь”, иномарка, цирковые, как у Куклачева*, сторожевые кошки. Ты живешь в ладу с собой, что в настоящее время могут позволить себе только очень богатые люди». Обнявшись и потискав друг друга, мы расстались.

Пока мы ехали в машине назад, я одновременно грустил и восхищался этим человеком. Непостижимо, как один человек, работая в колхозе и занимаясь домашним хозяйством, мог годами исполнять музыкальные капризы селян из деревень Ильиновка, Александровка, Деготля, Красная Заря, Макушкино, Ясная Поляна, Ключевка, Яруга и Островка. При этом никто из властей предрежащих не интересовался судьбой этого уникального человека. На этой минорной ноте я поднялся на ильиновскую гору и долго смотрел на место, где похоронена моя бабушка и живет никому не известный выдающийся деревенский баянист. Человек, который всю жизнь утолял музыкальный голод деревенских людей, искренне и бескорыстно делясь с ними своим божественным даром...

---

* Известный цирковой дрессировщик кошек.